

О Т Ч Е Т Ъ

объ экспедиціи для собиранія русскихъ народныхъ пѣсенъ съ напѣвами

въ 1893 году.

Θ. М. Истомина и С. М. Ляпунова.

(Читано въ общемъ собраніи И. Р. Г. О. 10-го марта 1894 г.).

ОТЧЕТЪ Θ. М. ИСТОМИНА.

15 октября 1892 г. предсѣдателемъ Пѣсенной Комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Т. И. Филипповымъ быть лично представленъ Государю Императору рукописный экземпляръ пѣсенъ, собранныхъ мною и покойнымъ Г. О. Дютшемъ во время первой пѣсенной экспедиціи въ 1886 году.

Успѣхъ этой экспедиціи вызвалъ особое Высочайшее благоволеніе къ дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ этомъ направленіи и Его Величеству благоугодно было даровать средства на изданіе собранныхъ пѣсенъ и на снаряженіе новой экспедиціи съ тою же цѣлью.

Во исполненіе таковой Высочайшей воли, пѣсни, собранныя первой экспедиціей, нынѣ изданы и новая экспедиція совершила истекшимъ лѣтомъ поѣздку по губерніямъ Вологодской, Вятской и Костромской.

Этнографическая задача состоявшейся экспедиціи вновь была возложена на меня, музыкальная же, за смертью Г. О. Дютша, возложена на члена-сотрудника Общества композитора С. М. Ляпунова.

Ж 13560

Путь экспедиціи. Признавая полезнымъ для дѣла установить связь новой экспедиціи съ трудами предшествовавшей, мы, по предварительно составленному общему плану, начали свои изслѣдованія съ той части Вологодской губерніи, которая не вошла еще въ кругъ изслѣдованій экспедиціи 1886 года.

13-го іюня 1893 г., выступивъ изъ Вологды, мы направились въ сѣверо-западную часть уѣзда и, обследовавъ расположенныя по берегу Кубенскаго озера 4 волости: Кубенскую, Новленскую, Березниковскую и Нефедовскую, къ 19-му іюня возвратились въ тотъ же городъ, а 20-го, пользуясь Двинскимъ пароходствомъ, прибыли въ Тотьму. За время съ 21-го по 29-е іюня обследовали Тотемскій уѣздъ въ его наиболѣе удаленныхъ и глухихъ частяхъ, посѣтивъ на юго-восточной его окраинѣ волость Бабозерскую и на сѣверо-восточной—волость Бережнослободскую и такъ называемую Кокшёнъгу въ составѣ двухъ волостей: Шведеницкой и Спасской. Возвратившись снова въ Тотьму, на Двинскомъ пароходѣ, къ 5-му іюля, прибыли въ сѣверную пограничную съ Архангельскою губерніей часть Сольвычегодскаго уѣзда; обследовавъ здѣсь Аеанасьевскую волость, направились къ югу земскою дорогою вдоль лѣваго берега Двины, съ остановкою для работъ въ запятномъ городѣ Красноборскѣ и окружающей его Ильинской волости; отсюда правымъ берегомъ Двины достигли, 10-го іюля, Сольвычегодска. Поработавъ здѣсь, къ 15-му іюля по почтовому пути прибыли въ Великій Устюгъ. Записавъ пѣсни въ городѣ, пригородной слободѣ Дымковѣ и совершивъ поѣздку въ Востровскую волость, въ 120 верстахъ вверхъ по теченію Двины, 25-го іюля направились къ югу по Никольской почтовой дорогѣ. Обследовавъ на пути волость Городецкую, 29-го іюля достигли Никольска, гдѣ и работали до 3-го августа ¹⁾, совершивъ, между прочимъ, поѣздку въ Кипленигу, лежащую въ сторонѣ отъ нашего пути. Выѣхавъ 3-го августа къ югу по почтовой дорогѣ, 6-го числа были уже въ предѣлахъ Вятской губерніи. Обследовавъ Киселевскую волость Котельничскаго уѣзда, 9-го августа проѣхали въ Навалихинскую волость, расположенную въ сѣверной части Орловскаго уѣзда, откуда 10-го числа прибыли въ Вятку. Записавъ здѣсь пѣсни изъ Селезневской волости, 15-го августа выѣхали къ югу по направленію Нолинскаго почтоваго пути; обследовавъ волость Кстининскую,

¹⁾ Здѣсь записаны пѣсни отъ жителя Семенковской волости Вологодскаго уѣзда.

вступили въ Нолинскій уѣздъ и, не доѣзжая города, свернули проселкомъ въ волости Чертыжевскую и Большеситнинскую, откуда 18-го августа прибыли въ Кукарскую слободу Яранскаго уѣзда. поработавъ здѣсь до 20-го числа, проселкомъ же чрезъ Водозерскую волость проѣхали въ Яранскъ, откуда черезъ западную, черемисскую, часть этого уѣзда къ 26-му августа прибыли въ предѣлы Костромской губерніи. Обслѣдовавъ Тонкинскую волость Варнавинскаго уѣзда и Новоуспенскую волость Ветлужскаго уѣзда, черезъ городъ Ветлугу снова вступили въ Варнавинскій уѣздъ и обслѣдовали волость Туранскую. Затѣмъ, остановившись въ Онуфринской волости Кологривскаго уѣзда, черезъ городъ Унжу прибыли въ Макарьевъ, откуда сѣдлали поѣздку въ Верхненейскую волость, расположенную въ сторонѣ отъ большой дороги, въ сѣверной части уѣзда. Слѣдуя далѣе по почтовому пути черезъ городъ Кадый, остановились въ Семеновской волости Кинешемскаго уѣзда, откуда, черезъ Судиславль, 8-го сентября прибыли въ Кострому, гдѣ и закончили экспедиціонныя работы, вслѣдствіе крайней трудности дальнѣйшихъ передвиженій по почтовымъ и земскимъ дорогамъ, совершенно испорченнымъ и размытымъ дождями, непрерывно лившими въ теченіе всего августа мѣсяца.

Такимъ образомъ экспедиціею обслѣдовано въ пяти уѣздахъ Вологодской губерніи 14 волостей: 5 въ Вологодскомъ, 4 въ Тотемскомъ, двѣ въ Сольвычегодскомъ, одна въ Великоустюжскомъ и двѣ въ Никольскомъ и сверхъ того 4 города: Красноборскъ, Сольвычегодскъ, Великій Устюгъ и Никольскъ; въ 5 уѣздахъ Вятской губерніи 8 волостей: по одной въ уѣздахъ Котельничскомъ и Орловскомъ и по двѣ въ уѣздахъ Вятскомъ, Нолинскомъ и Яранскомъ, и въ пяти уѣздахъ Костромской губерніи 6 волостей; изъ нихъ двѣ въ Варнавинскомъ и по одной въ Ветлужскомъ, Кологривскомъ, Макарьевскомъ и Кинешемскомъ. Всего же въ 15 уѣздахъ трехъ губерній—28 волостей и 4 города. Населенныхъ мѣстъ въ названныхъ волостяхъ вмѣстѣ съ городами обслѣдовано 37; изъ нихъ 21 въ Вологодской губерніи, 10 въ Вятской и 6 въ Костромской.

Общее протяженіе обслѣдованнаго пространства составляетъ болѣе 2.600 верстъ, не включая сюда пути по Двинѣ отъ Вологды до Тотьмы и отъ Тотьмы до сѣверной части Сольвычегодскаго уѣзда, а также и пути отъ Петербурга до Вологды и отъ Костромы до Петербурга. На разѣзды по Вологодской губерніи приходится до 1.600 верстъ, по Вятской—500 верстъ слишкомъ и около 500 верстъ по Костромской.

37 рабочихъ остановокъ на 2.600-верстномъ протяженіи даютъ въ среднемъ 70-ти верстное между ними разстояніе, въ частности значительно видоизмѣняющееся однако въ ту и другую стороны въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій.

Способъ собиранія пѣсенъ. Предварительный планъ путешествія былъ составленъ лишь въ общихъ чертахъ. При выполненіи подробностей его, т. е. при выборѣ мѣстъ для остановокъ, мы по большей части руководились уже указаніями знатоковъ края изъ мѣстныхъ чиновниковъ и земскихъ дѣятелей, которые имѣютъ непосредственныя сношенія съ народомъ. Иногда такіа указанія приносили намъ существенную пользу, и при этомъ случаѣ нельзя не вспомнить съ благодарностью о всѣхъ, кто съ полною готовностью оказывалъ намъ возможное содѣйствіе.

Остановившись въ избранныхъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ селѣ или деревнѣ, мы прежде всего обращались къ мѣстнымъ властямъ, которые, по предъявленіи съ нашей стороны губернскихъ или земскихъ предписаній, немедленно выражали готовность исполнить все, что по указаніямъ нашимъ необходимо было для успѣшнаго выполненія возложеннаго на насъ порученія. Послѣ этого мы вступали къ бесѣдѣ о современномъ состояніи пѣсеннаго дѣла въ ихъ мѣстности и, хотя свѣдѣнія получались неутѣшительныя, бесѣда заканчивалась все-таки указаніемъ на десятокъ, а иногда и болѣе, крестьянъ и крестьянокъ, разумѣется уже не молодыхъ, которые слывуть за пѣвцовъ и навѣрно помнятъ еще старыя дѣдовскія пѣсни. Такихъ пѣвцовъ и пѣвицъ мы и поручали собрать; при этомъ время выбирали свободное для крестьянъ и народъ для нашихъ занятій отъ работъ не отнимали. Такимъ временемъ были праздники, или вечерніе послѣ работъ часы, или же ненастные дни, когда народъ въ поле не уходитъ.

Послѣ долгихъ иногда ожиданій и томленій: явятся ли пѣвцы и внесутъ ли что нибудь новое въ нашъ сборъ,—наступало наконецъ назначенное время и представители пѣсеннаго дѣла, въ сопровожденіи толпы одnodеревенцевъ, входили въ нашу избу, крестились на иконы и, почтительно привѣтствуя насъ, останавливались въ недоумѣніи: для чего, молъ, могли понадобиться пѣсенники петербургскимъ заѣзжимъ чиновникамъ? Разъясненіе столь естественныхъ недоумѣній лежало обыкновенно на мнѣ. Дружелюбно отвѣтивъ на привѣтствія, я обращался къ собравшимся съ простою рѣчью, въ которой говорилъ приблизительно слѣдующее: «Не для [потѣхи своей пригласили мы васъ, а для

того, чтобы вы пособили намъ сослужить важную и добрую службу. Неладныя нынѣ пѣсни поются въ народѣ. Ничего въ нихъ нѣтъ хорошаго—ни красоты, ни смысла, а чаще всего одно безстыдство. Такія ли пѣсни пѣлись встарину? И красота въ нихъ—любо послушать; и правды въ нихъ много: горе, такъ горе—сердцемъ чуетъ; веселье—такъ душа радуется! Однако много ли осталось этихъ старыхъ пѣсень? Многіе ли ихъ помнятъ? А перемрутъ старики и вовсе пропадетъ это русское добро, о которомъ даже въ чужихъ земляхъ добрая слава прошла. И останутся въ народѣ однѣ новомодныя неладныя пѣсни и будутъ по нимъ молодые учиться безстыдству. Этому горю надо пособить. И вотъ ученые русскіе люди надумали собрать, пока еще не поздно, хоть то, что уцѣлѣло, списать старыя пѣсни, напечатать ихъ въ книжку и тѣмъ закрѣпить ихъ на вѣки вѣчныя. Самъ Государь соизволилъ одобрить это дѣло, Всемилоостивѣйше даровалъ на то деньги и вотъ послали насъ развѣзжать по деревнямъ, да собирать добрую старинку на пользу общую. Не къ первымъ къ вамъ пріѣхали мы и собрано уже не мало. Теперь до васъ дошелъ чередъ; порадѣйте и вы общему дѣлу, пропойте намъ, кто что припомнитъ, а мы спишемъ и напѣвы и слова, отвеземъ ваши пѣсни въ Петербургъ, тамъ напечатаемъ и имена ваши проставимъ. Придетъ книжка въ ваши школы; выучатъ старую пѣсню молодые, прочитаютъ знакомое имя, спасибо скажутъ и добромъ помянутъ васъ за хорошую науку...»

Послѣ такихъ рѣчей недоумѣвающія лица прояснялись, наступало оживленіе и раздавались сочувственные возгласы, что дѣйствительно совсѣмъ худыя пошли нынѣ пѣсни, а старая добрая пѣсня забываться стала, мало кто помнитъ, да и тѣ давно ужъ не поютъ.

Наступали у пѣвцовъ длинныя переговоры о томъ, какія бы пѣсни пропѣть, и нескончаемыя сваливанія другъ на друга разныхъ преимуществъ, дающихъ право первому запѣть пѣсню. Много проходило времени прежде, чѣмъ кто нибудь изъ пѣвцовъ послѣ нашихъ уговоровъ и подбадриваній рѣшался, наконецъ, выступить первымъ. Пѣсню подхватывали другіе и дѣло начиналось. Какъ только заканчивали пѣсню, я сейчасъ же прочитывалъ вслухъ свою записъ и спрашивалъ: вѣрно ли списалъ. Вѣрно, вѣрно! говорили изумленные пѣвцы и тутъ же убѣждались, что дѣйствительно дѣло не на шутку и не зря созвали ихъ пѣть пѣсни.

Легче подбиралась вторая и третья пѣсня. Невольно водворялось затѣмъ пѣсенное настроеніе; всякія служебныя отношенія забывались и при общемъ воодушевленіи кипѣла общая сознательная работа, въ которой принимала участіе и толпа присутствующихъ, подсказывая пѣвцамъ ту или другую пѣсню. Но не безъ разбору принимали такіе совѣты избранные пѣвцы. «Нѣтъ, то не старая пѣсня, говорилъ кто нибудь изъ нихъ, — не болѣе, какъ годовъ тридцать она поется; а вотъ пѣсня, — еще отъ дѣда я слыхалъ ее; то ужъ «столѣтны», «досельны пѣсни».

Весело и пріятно было работать заодно съ народомъ, особенно при удачномъ составѣ пѣвцовъ и хорошемъ подборѣ пѣсенъ. Но нужно было имѣть большой запасъ терпѣнія, чтобы выдерживать пытку, когда дѣло не ладилось и пѣсню за пѣсней приходилось браковать, но не прекращать работы въ надеждѣ услышать что нибудь заслуживающее вниманія.

Сознательно служа общему дѣлу, пѣвцы отдавали себя въ полное наше распоряженіе. Не смущались они нашей браковкою пѣсенъ почему либо неудачныхъ; охотно и старательно повторяли иногда по нѣсколько разъ одну и ту же пѣсню, если это нужно было для провѣрки записаннаго напѣва или словъ; терпѣливо выжидали они, покуда С. М. Ляпуновъ подлаживалъ записанныя мною слова подъ напѣвъ, имъ записанный. Во время этихъ промежутковъ, иногда шуткой, иногда дѣльнымъ замѣчаніемъ я старался поддерживать въ нихъ пѣсенное настроеніе. По шести, по семи часовъ подъ рядъ приходилось иногда высиживать у насъ пѣвцамъ, покуда не истощался весь запасъ ихъ памяти, и за все это время толпа не покидала своихъ представителей, съ сочувствіемъ и вниманіемъ слѣдя за нашей работой.

Женщины не такъ легко усваивали сущность нашей задачи и гораздо больше нужно было съ ними говорить, чтобы вызвать и ихъ сочувственное отношеніе, которое и выражалось иногда въ словахъ: «Што за оказія—старину стали подымать!» Большихъ трудовъ стоило уговорить ихъ начать дѣло; но разъ оно начиналось—безпрепятственное продолженіе было уже обезпечено. Бывали случаи, когда присутствовавшія въ толпѣ дѣвушки, увлекаемые общимъ пѣсеннымъ настроеніемъ, выступали впередъ и съ успѣхомъ продолжали дѣло, начатое пожилыми.

Въ составѣ пѣвцовъ и пѣвицъ нерѣдко были крестьяне и крестьянки разныхъ, хотя и близкихъ деревень, но нѣсколько различно пѣвшихъ однѣ и тѣ же пѣсни, и дѣло вслѣдствіе этого не-

ладилось, пока не удавалось раздѣлить ихъ на отдѣльныя партіи, съ которыми мы и работали посмѣнно: одни пѣли, другіе отдыхали и въ это время припоминали и подбирали пѣсни лучше и постарше.

Такъ шли наши работы съ пѣвцами и пѣвицами отдѣльно, причемъ въ составъ ихъ одновременно входило:—крестьянъ отъ 2 до 14, крестьянокъ—отъ 2 до 18; чаще же всего тѣхъ и другихъ было отъ 4 до 6. Записи пѣсенъ съ одного голоса были очень рѣдки, за исключеніемъ, конечно, былины, духовныхъ стиховъ и причитаній.

Всѣхъ пѣвцовъ прослушано нами 121 и пѣвицъ 101; всего же 222 человѣка.

По окончаніи работъ я записывалъ поименно всѣхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, обозначалъ лѣта ихъ и названіе деревни, въ которой они проживаютъ. Вслѣдъ за тѣмъ каждому пѣвцу и пѣвицѣ выдавалось жалованье—отъ 15 копѣекъ и до 1 рубля на человѣка, смотря по количеству народа и по качеству работы; сверхъ того дѣвушкамъ выдавались иногда незатѣйливыя конфеты. Выдача денегъ почти всегда являлась для крестьянъ совершенно неожиданною и довершала полное удовольствіе нашихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Иногда приходилось когонибудь изъ поющихъ отпускать раньше другихъ и выдавать ему жалованье. Это обстоятельство нерѣдко выдвигало изъ толпы новыхъ пѣвцовъ, не выступавшихъ ранѣе потому лишь, что ихъ не приглашали. Съ другой стороны, къ чести крестьянъ нужно сказать, что многіе изъ нихъ принимали деньги лишь послѣ усиленныхъ отказовъ.

Освободившись отъ такой своеобразной работы, крестьяне обыкновенно спѣшили вознаградить себя за трудъ немедленной выпивкой на случайный и неожиданный заработокъ. Вскорѣ деревня оглашалась размашистымъ пѣніемъ тѣхъ же пѣсенъ, но уже въ исполненіи далеко не представляющемъ удобствъ для ихъ записыванія.

Напутствуемые добрыми пожеланіями толпы и пѣснями подгулявшихъ пѣвцовъ мы направлялись къ мѣсту слѣдующей остановки, гдѣ и воспроизвели отъ начала до конца тотъ же самый приемъ.

Вотъ способъ записыванія пѣсенъ, которымъ мы пользовались почти исключительно.

Очень часто, и въ провинціи и здѣсь въ столицѣ, люди интересующіеся спрашивали насъ, какимъ путемъ удавалось намъ

добиться отъ крестьянъ пѣсенъ. «Вѣдь ужъ навѣрное, говорили они, вамъ нужно было подпавать народъ, выставлать ему угощенье?»—Нѣтъ, не приходилось, отвѣчали мы, указывая на способъ, мною описанный.

Разумѣется, не трудно было, собравъ народъ, выставивъ ему полведра водки, разставить наливкохъ и сластей для женщинъ, устроить пиръ и вызвать веселье, среди котораго непринужденныя пѣсни запѣлись бы сами собой; оставалось бы слушать, да записывать. Дѣло достигалось бы скорѣе и проще; не приходилось бы тратить время на скучное толкованіе объ одномъ и томъ же въ 37 мѣстахъ, на безконечныя ожиданія, уговоры и пр. Но въ этомъ случаѣ наша цѣль едвали могла оправдывать предполагаемое средство. Въ задачи на насъ возложенныя никоимъ образомъ не могло входить завѣдомое поощреніе народнаго пьянства. Особыя условія нашей экспедиціи обязывали насъ по возможности нести въ народъ здравыя начала и поощрять качества иного рода. При высокомъ положеніи, которое занимали мы въ глазахъ народа, грѣшно было бы не воспользоваться случаемъ, чтобы не внести въ него хоть искру сознательнаго добра. Не подобало намъ похищать пѣсни у полупьяныхъ крестьянъ, оставляя на произволь судьбы и тѣмъ какъ бы одобряя современное печальное положеніе пѣсеннаго дѣла. Напротивъ, все благопріятствовало тому, чтобы, ничѣмъ не прикрываясь, мы выступили передъ народомъ лицомъ къ лицу и вѣскимъ словомъ указали бы ему его больное мѣсто. Но, сдѣлавъ такое указаніе, не слѣдовало оставаться на почвѣ бесплодной проповѣди, а закрѣпить пробужденное сознаніе привлеченіемъ самихъ же крестьянъ къ личному участию ихъ въ возможномъ устраненіи зла.

Одно высокое положеніе не могло еще въ этомъ случаѣ обезпечивать успѣха. Крестьяне, быть можетъ, безпрекословно, но и безсознательно исполнили бы «приказаніе», которое они не привыкли отдѣлять отъ высокаго положенія; но не къ этому мы стремились; намъ нужно было ихъ сознательное участіе, и оно оказывалось достижимымъ при сочетаніи нашего положенія съ простотой рѣчи и нашей доступностью народу. Крестьяне знали, что имѣютъ дѣло съ «высокими посланцами», но въ то же время видѣли предъ собой людей простыхъ, къ нимъ расположенныхъ, въ рѣчахъ которыхъ вмѣсто ожидаемыхъ приказаній слышалось дружественное обращеніе и довѣрчивое приглашеніе «пособить общему дѣлу».

Эта неожиданность и это довѣріе располагали крестьянъ не только къ намъ, но и къ нашему дѣлу. Почувявъ довѣріе, они всячески старались его оправдать и этимъ явили многократныя доказательства того, что при открытомъ и довѣрчивомъ, но въ то же время умѣломъ обращеніи — съ русскимъ крестьяниномъ многого можно достигнуть.

Нерѣдка удача при нашемъ сборѣ этихъ «трезвыхъ» пѣсенъ во многихъ мѣстахъ, быть можетъ, самимъ же крестьянамъ на дѣлѣ доказала, что хорошая русская пѣсня не нуждается ни въ кабацѣ, ни въ пьянствѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ можно надѣяться, что наши обращенія къ пожилымъ крестьянамъ въ присутствіи молодыхъ, если не во всѣхъ 37 мѣстахъ, то хоть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, не останутся безслѣдными и для общаго положенія дѣла. «Вотъ это хорошо,» говорили, напутствуя насъ, пожилые крестьяне, «теперь и намъ будетъ на что упереться, какъ молодежь шибко забалуется!»

Одинъ изъ существенныхъ недостатковъ, который не лишне имѣть въ виду при будущемъ примѣненіи этого способа собиранія пѣсенъ, характеризуется сочувственными словами нашихъ пѣвцовъ: «Эхъ, кабы заранѣ! Вдругъ всего не вспомнишь...» Но и этотъ недостатокъ до извѣстной степени восполнялся при общихъ и дружныхъ усиліяхъ всѣхъ собравшихся передъ нами крестьянъ.

Опытъ двухъ экспедицій и неоднократныя наблюденія надъ населеніемъ, по крайней мѣрѣ сѣверныхъ губерній Россіи, привели меня къ убѣжденію въ наибольшей цѣлесообразности принятаго нами способа собиранія пѣсенъ предпочтительно передъ другими, примѣнявшимися въ прежнее время.

Нынѣшняя осмотрительность народа и подозрительность въ обращеніи съ неизвѣстными ему людьми не общаются успѣха собирателю пѣсенъ, если онъ подъ видомъ частнаго любителя задумалъ путешествовать изъ села въ село, въ надеждѣ на особенное расположеніе крестьянъ къ частному человѣку. Прежде всего онъ встрѣтилъ бы опросъ, что за человѣкъ, есть ли паспортъ и во всякомъ случаѣ былъ бы препровожденъ къ мѣстной власти. Съ другой стороны, при современномъ упадкѣ старинной пѣсни, бесплоднымъ оказалось бы даже продолжительное прислушиваніе къ случайному пѣнію народному. Хорошую старую пѣсню рѣдко гдѣ удастся нынѣ подслушать случайно; въ народномъ обиходѣ такихъ пѣсенъ теперь почти нѣтъ, ихъ можно услышать лишь по заказу, и то съ трудомъ вызывая изъ памяти людей пожилыхъ.

Поневоѣ нужно убѣждаться, что всѣ эти приемы были доступны лишь въ доброе старое время; теперь же необходимо считаться съ новыми условіями народнаго быта и, примѣняясь къ нимъ, искать новыхъ приемовъ. Способъ, которымъ пользовались мы, является посильнымъ опытомъ разрѣшенія этой нелегкой современной задачи.

Итоги собранныхъ матеріаловъ. Описанный способъ доставить намъ слѣдующій сборъ: мною записано 278 пѣсень разнаго наименованія и С. М. Ляпуновымъ 265 соотвѣтствующихъ имъ напѣвовъ. Сюда вошли 10 духовныхъ стиховъ, 1 былина, 7 колядь, 21 причитаніе, 49 свадебныхъ пѣсень, 64 хороводныхъ и 126 протяжныхъ. Изъ общаго числа 155 пѣсень записаны въ Вологодской губерніи, 61 въ Вятской и 62 въ Костромской.

Изъ 10 духовныхъ стиховъ 3 записаны въ Тотемскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, 5 въ Яранскомъ уѣздѣ Вятской губерніи и 2 въ Кологривскомъ уѣздѣ Костромской губерніи. Изъ 2 нашихъ пѣвцовъ и 3 пѣвицъ только 2 пѣвицы были зрячія, изъ нихъ одна сопровождаетъ слѣпнаго мужа, остальные—слѣпцы или темные, какъ они себя называютъ.

Въ Вологодской и Костромской губерніяхъ этотъ родъ пѣснопѣій носитъ названіе стиховъ, въ Вятской же называется пропѣвами и составляетъ специальность такъ называемыхъ Сунскихъ¹⁾ или вятскихъ нищихъ, которые въ качествѣ калѣкъ: слѣпыхъ, хромыхъ, безрукихъ и безногихъ образуютъ огромныя сборища и сопровождаютъ многочисленныя въ Вятской епархіи хожденія съ иконами. Въ силу обычая, присутствіе нищихъ въ этомъ случаѣ признается настолько необходимымъ, что для передвиженія ихъ изъ села въ село слѣдомъ за иконами на мірской счетъ снаряжаются по нѣсколько подводъ. Вятскіе нищіе отдѣльными партіями нерѣдко уходятъ и за предѣлы Вятской епархіи, распѣвая свои пропѣвы въ болѣе или менѣе извѣстныхъ обителяхъ и пустыняхъ, привлекающихъ къ себѣ многочисленныхъ богомольцевъ.

Единственная, при всей тщательности розысковъ, былина записана въ Тотемскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи. Весьма интересная по новизнѣ своего содержанія былина эта, повѣствующая о борьбѣ Ильи Муромца съ царемъ Куркасомъ, къ сожалѣнію, не представляетъ, по мнѣнію С. М. Ляпунова, большого интереса

¹⁾ Сунская волость въ Нолинскомъ уѣздѣ Вятской губерніи.

въ музыкальномъ отношеніи. Ее пронѣлъ намъ крестьянинъ Роменской слободки, Бережно-слободской волости, 67-ти лѣтній старецъ Александръ Ивановъ Безвытной.

Коляды записаны нами въ Вологодской губерніи, изъ нихъ 5 въ Великоустюжскомъ уѣздѣ и 2 въ городѣ Никольскѣ.

Въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія Этнографіи въ 1892 году И. А. Шляпкинъ, сообщая о побѣдѣ своей въ городѣ Устюгъ, между прочимъ указалъ на былинну: «По морю, морю Хвалынскому» и т. д., записанную имъ отъ устюжскаго каменщика И. Ф. Говорова, по словамъ котораго былина эта распѣвалась прежде въ Устюгѣ, какъ коляда на Рождествѣ.

Воспользовавшись этимъ интереснымъ указаніемъ, мы разыскали Говорова, оказавшагося кровельщикомъ, проживающимъ въ пригородной устюжской слободѣ Дымковѣ, и на ряду съ другими пѣснями записали отъ него двѣ коляды, изъ которыхъ одна и составляетъ былинну, записанную г. Шляпкинымъ. Въ селѣ Бобровскомъ, въ 120 верстахъ отъ Устюга, наши пѣвцы, въ составѣ 14 человекъ, пропѣли одну изъ колядъ, записанныхъ отъ Говорова, которую они называли малымъ колядьемъ, и новую коляду—великое виноградье; тамъ же записаны двѣ колядныхъ припѣвки—вступительная и заключительная. Въ городѣ Никольскѣ, мальчики пропѣли намъ одно изъ малыхъ виноградій вмѣстѣ съ особыми вступительными словами и заключительную припѣвку.

При ближайшемъ ознакомленіи съ этими колядами нужно придти къ заключенію, что онѣ лишь нѣкоторыми чертами своего содержанія напоминая былинну, составляютъ, однако, совершенно особый родъ великорусскихъ пѣснопѣній.

Судя по твердости, съ которой держится коляда въ памяти Говорова и Бобровскихъ пѣвцовъ, она еще не такъ давно была въ обычаѣ устюжанъ. Въ Никольскѣ колядуютъ теперь только мальчики, но въ Устюжскомъ уѣздѣ, по рассказамъ нашихъ пѣвцовъ, коляда въ прежнее время была достояніемъ и взрослыхъ людей.

Съ Рождества до Крещенья, часу въ восьмомъ вечера, собиралась толпа взрослыхъ колядниковъ, въ городѣ и большихъ селахъ достигавшая иногда до 100 человекъ, и колядовала передъ бѣнками домовъ, возя съ собой на дровняхъ огромную звѣзду или вертепъ, сооруженный изъ дерева и разноцвѣтной слюды, освѣщаемой изнутри зажженной свѣчей. Послѣ вступительныхъ колядокъ, начинающихся словами: «Пришелъ еси къ воротамъ. Дома ли хозяинъ» и т. д., какъ въ селѣ Бобровскомъ, или: «Ты позволъ,

позволь, хозяинъ, коляду намъ разсказать», какъ поютъ въ Никольскѣ,—колядники исполняли виноградья: «Ужь мы ходимъ, мы ходимъ по Кремлю городу» и т. д., или: «Ужь какъ по морю, морю, по синему» и т. д. Великое виноградьё: «Среди сильна царства Россейскаго, среди кремля Красна города» и т. д. пѣлось только наканунѣ Новаго года. Коляда исчерпывается этими виноградьями, распѣваемыми вездѣ на одинъ напѣвъ; другихъ колядокъ не существуетъ, за исключеніемъ лишь вступительныхъ припѣвовъ къ нимъ и заключительныхъ—на тотъ случай, когда не подадутъ колядникамъ, или «худо подадутъ». Въ устюжскомъ уѣздѣ въ такихъ случаяхъ припѣвали «кота», содержащаго въ себѣ нѣкоторую угрозу скупой хозяйкѣ; въ Никольскѣ же мальчики припѣваютъ «ерша».

Въ большинствѣ случаевъ, однако, колядниковъ встарину щедро награждали: кромѣ пироговъ и прочаго съѣстнаго, раздаваемого хозяиками, у оконъ домовъ выставлялись цѣлые ушаты съ ромомъ.

Изъ причитаній 19 свадебныхъ, 2 рекрутскихъ и 1 похоронное записаны въ Вологодскомъ, Тотемскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ Вологодской губерніи и только 3 свадебныхъ въ Варнавинскомъ, Кологривскомъ и Кинешемскомъ уѣздахъ Костромской губерніи. Что касается до Вятской губерніи, то въ посѣщенныхъ нами мѣстахъ ея вмѣстѣ съ утратою многихъ подробностей стариннаго свадебнаго обряда, исчезли повидимому и причитанія.

Этотъ родъ поэзіи, извѣстный въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ подъ именемъ причетъ—въ Вологодской и Костромской губерніяхъ называется причётами, или точнѣе—прицётами и лишь въ Никольскѣ онъ отмѣченъ названіемъ: плакашки. Всѣ причеты и плакашки записаны исключительно отъ пожилыхъ женщинъ-причетницъ, еще довольно многочисленныхъ въ Вологодской губерніи и очень рѣдкихъ уже въ Костромской, причемъ костромскія причетницы причитаютъ только на одинъ голосъ, т. е. у каждой изъ нихъ для всѣхъ случаевъ имѣется только одинъ напѣвъ.

Въ извѣстныхъ мѣстахъ сложнаго свадебнаго обряда, причетницы произносятъ нѣкоторые стихи гѣворомъ, т. е. не поютъ, а говорятъ. Такъ, напримѣръ, причетница въ деревнѣ Мумаихѣ, Бабозерской волости, Тотемскаго уѣзда Вологодской губерніи сообщила, что при первомъ выводѣ невѣсты передъ женихомъ говоромъ произносятся слѣдующіе стихи:

Здравствуйте, господа свадебжана!
 Господа, на ноги ставайте,
 Шапоцьки снимайте,
 Намъ поклонъ отдайте;
 Нашего красна золота смотрите,
 Свое цисто серебро кажите.
 Мы люди не бѣдные,
 Давайте намъ денежки не мѣдныя:
 Серебро да бумажки.
 Мы станемъ васъ дарить назадъ
 Платкамъ, краснымъ рубашкамъ.
 Даркѣ наши примите,
 Невѣстку любите,
 По-матерну не браните!
 Мила какъ наша невѣста,
 За руцьку бери, да за столъ поведи,
 А какъ не мила наша невѣста,
 Дакъ шапоцьки возьмите, да вонъ подите!

Такимъ же гѣворомъ въ Нефедовской волости одна дѣвица произносила очень длинныя стихи такъ называемаго «Зайчика». Держа на рукѣ искусно сдѣланное изъ небольшого платка подобіе зайца, особеннымъ движеніемъ этой руки она заставляетъ зайчика прыгать на столъ противъ того, кому причитаетъ, восхваляя достоинства этого лица и заканчивая стихи обращеніемъ положить на зайчика побольше денегъ.

Гѣворомъ же произносятъ свои безконечныя иногда стихи свадебныя дружки; въ числѣ ихъ есть большіе мастера своего дѣла, пользующіеся громкою извѣстностью и за предѣлами своей волости. Съ уменьшеніемъ числа причетницъ выдающаяся роль при свадебномъ обрядѣ переходитъ, повидимому, къ этимъ дружкамъ. При отсутствіи причетницъ въ посѣщенныхъ нами мѣстностяхъ Вятской губерніи, какъ бы взамѣнъ ихъ, нерѣдко выступали дружки.

Свадебныя пѣсни еще не забываются; во всѣхъ посѣщенныхъ нами губерніяхъ ихъ поютъ не только пожилыя крестьянки, но и молодыя крестьянскія дѣвицы.

Изъ 49 свадебныхъ пѣсень 14 записаны въ Вологодской губерніи, 17 въ Вятской и 18 въ Костромской.

Хороводныхъ и обрядовыхъ пѣсень на этотъ разъ оказалось гораздо больше, нежели въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой, гдѣ ихъ записано 12. Въ эту экспедицію ихъ собрано 64, причѣмъ въ Вологодской губерніи—33, въ Вятской—20 и въ Костромской—11.

Хороводъ, судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ его, еще не такъ давно былъ въ обычаѣ мѣстныхъ крестьянъ, особенно въ Вологодской губерніи. Здѣсь сохранилось еще старинное названіе хороводныхъ пѣсень: «Прежде колодѣнны пѣсни на гуляньѣ были», говорила намъ пожилая женщина въ Кубенской волости.

Наиболѣе же распространенное названіе пѣсень, распѣваемыхъ на гуляньѣ, при посидѣнкахъ и на бесѣдахъ—пѣсни кареводныя или круговыя. Сохранился еще нѣкоторый порядокъ хоровода; такъ нами записана пѣсня: «первый кружокъ», которая поется для сбора въ хороводъ, отмѣчена и пѣсня непосредственно слѣдующая за первымъ кружкомъ: какъ наберутъ.

Въ большей части этихъ пѣсень соотвѣтствующіе имъ хороводы, однако, не уцѣлѣли, сообщивъ нѣкоторымъ изъ нихъ лишь свои названія; такъ, напримѣръ, записаны пѣсни ковровыя, получившія свое имя отъ хороводнаго танца—ковра вышивать. Дѣйствія хоровода называются игрой. Пѣсню: «Мы вечеръ просу сѣяли, сѣяли» сопровождаетъ игра, состоящая въ томъ, что участники хоровода становятся другъ противъ друга въ два ряда, каждый рядъ поетъ свое колѣно и въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, по требованію пѣсни, дѣвица переходитъ изъ одного ряда въ другой.

Пѣсни плясового характера безъ игры называются крутыми.

Изъ приуроченныхъ къ праздникамъ въ Вологодской губерніи отмѣчены пѣсни троицкія и особенно многочисленныя—святѣшныя, по мѣстному произношенію—святѣшныя. Одна изъ такихъ святѣшныхъ пѣсень, подъ названіемъ «кума», сопровождается слѣдующей игрой: повалить на полъ дѣвушку, закроютъ ей фартукомъ глаза, стануть въ кружокъ и запоютъ медленно: «Здорова ты, кума», и т. д.; вторую часть пѣсни, въ соотвѣтственномъ мѣстѣ, запоютъ весело, запляшутъ кругомъ и «въ долони зацикаютъ», т. е. захлопаютъ въ ладоши.

Въ Вятской губерніи отмѣчены лишь рождественскія и троицкія пѣсни. Въ Костромской—хороводныя пѣсни называются круговыми или вѣшными; есть и святѣшныя или бесѣдныя, распѣваемые на вѣчеринкахъ. Тамъ же записана и единственная масленичная пѣсня.

Что касается до приуроченныхъ къ полевымъ работамъ, то такихъ удалось записать только двѣ пѣсни: сѣнокосную—въ Вологодской губерніи и помочанскую—въ Костромской.

Изъ 126 протяжныхъ пѣсень 79 записаны въ Вологодской губерніи, въ томъ числѣ 60 бытовыхъ и разбойничьихъ, 17 сол-

датскихъ, или вѣрнѣе — воинскихъ, какъ называютъ мѣстные крестьяне, весьма удачно отличая ихъ тѣмъ отъ извѣстнаго пошиба пѣсень, распѣваемыхъ солдатами, и 2 пѣсни тюремныя или, по мѣстному названію, заключенныхъ. Изъ 29 записанныхъ въ Вятской губерніи—24 бытовыхъ и 5 воинскихъ. На Костромскую губернію приходится 18 протяжныхъ, которыя здѣсь называютъ уже проголосными, изъ нихъ 16 бытовыхъ и 2 воинскихъ.

Въ Костромской губерніи намъ приходилось записывать пѣсни и отъ старообрядцевъ, причемъ замѣчена та своеобразная особенность, что всѣ пѣсни извѣстнаго разряда въ данной мѣстности у нихъ поются только на одинъ напѣвъ, между тѣмъ какъ у православныхъ той же мѣстности для каждой пѣсни имѣется свой отдѣльный напѣвъ, а потому и происходитъ, что въ одной и той же деревнѣ напѣвы старообрядческіе въ огромной массѣ пѣсень совершенно отличаются отъ напѣвовъ православныхъ.

Къ этому краткому обзору собранныхъ матеріаловъ я позволю себѣ добавить еще нѣсколько народныхъ выраженій, относящихся къ пѣсенному искусству,—въ дополненіе къ тѣмъ даннымъ, которыя сообщены мною въ отчетѣ о первой пѣсенной экспедиціи.

Пѣсни по мѣстному произношенію всѣхъ трехъ губерній звучать, какъ пісни; пѣвцы или пѣсенники слывятся подъ именемъ пісельниковъ.

Слову напѣвъ среди пѣвцовъ Вологодской губерніи соотвѣтствуютъ: напѣвъ же, голосъ, прогласка и тонъ, причемъ послѣднее, повидимому, съ разными оттѣнками значенія. Такъ, въ Вологодскомъ уѣздѣ говорятъ: «онъ тонъ знаетъ», въ смыслѣ: хорошо помнитъ напѣвъ; въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ этомъ случаѣ выражаются: «прогласку-ту я знаю». Тоны—въ смыслѣ видоизмѣненій напѣва: «Разны тоны напѣвовъ бываютъ», говорили пѣвцы. когда мы сообщали, что у нихъ эта пѣсня иначе поется, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Выраженіе: въ тонъ противуполагается выраженію: на пересказъ; причеты намъ предлагали сообщить или въ тонъ, или на пересказъ. Въ Костромской губерніи этому выраженію соотвѣтствуетъ: въ голосянку. Говорятъ также: «Эта пісня тяжела на голоса» и «Коляды у насъ на одинъ голосъ поются», точно такъ же, какъ и костромскіе старообрядцы: «Всѣ пісни у насъ на одинъ голосъ», т. е. на одинъ напѣвъ.

Выраженіе: на пересказъ не смѣшивается съ выраженіемъ говоромъ: на пересказъ можетъ передаваться то, что обычно

поется, говоромъ же произносятся стихи, вовсе не предназначенные для пѣнія; это своего рода «декламация».

Въ соотвѣтствіе къ прогласкѣ и напѣву удалось отмѣтить и самобытное названіе для музыкальной мелодіи: шенкурскіе пастухи въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, показывая намъ свое искусство играть на рожкѣ, между прочимъ, сообщили, что «у каждаго пастуха свой особой найгрышъ», т. е. своя излюбленная мелодія. Такимъ образомъ для пѣнія существуетъ напѣвъ, для музыки найгрышъ.

С. М. Ляпуновъ записать одинъ изъ этихъ своеобразныхъ пастушечьихъ найгрышей, привезъ съ собою и рожокъ ¹⁾. Для обозначенія медленнаго напѣва служатъ слова: полдого, пополдоже (въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ: отлого, ноотложе); говорятъ также: «протяжнѣе, не торопись». Скорый напѣвъ обозначается, какъ и въ названныхъ губерніяхъ, словомъ круто: «не круто пѣсня поется»; отсюда и пѣсни съ быстрымъ плясовымъ напѣвомъ называются крутыми.

Въ большей части пѣсенъ извѣстные стихи повторяются по два раза, но есть пѣсни и безъ такихъ повтореній; это послѣднее обозначается выраженіемъ: на проходъ, т. е. безъ повторенія, какъ въ Тотемскомъ уѣздѣ, или «къ ряду поется», какъ въ Никольскѣ.

Любопытная особенность архангельскихъ и олонецкихъ пѣвцовъ, не понимающихъ, что такое начало пѣсни, и что значить спѣть пѣсню сначала, сплошь примѣняется и къ пѣвцамъ вологодскимъ, вятскимъ и костромскимъ. Слову начало здѣсь соотвѣтствуютъ: конецъ или край: «Съ конца запѣвать?» или «опять съ краю?» спрашивали пѣвцы, когда мы просили ихъ снова повторить всю пѣсню. «Не съ конца сказала», говоритъ пѣвица, пропустившая первые стихи. «Съ конца-то не знаю», отнѣкивается пѣвецъ, позабывшій начало пѣсни. «Съ краю-то сдумать, конецъ-отъ забыть», горюетъ пѣвецъ, припоминающій старинную дѣдовскую пѣсню.

Такимъ образомъ и здѣсь, по понятіямъ крестьянъ, пѣсня является лишь «о двухъ концахъ» и начала не знаетъ.

Выводы и наблюденія. Итакъ, вотъ въ общихъ чертахъ тѣ остатки старины, которые экспедиціи удалось на этотъ разъ

¹⁾ Въ Яранскомъ уѣздѣ Вятской губ. С. М. Ляпуновъ записалъ найгрыши черемисскихъ гуслей и пугыря.

спасти отъ грозившаго имъ полного забвенія. Почти все это, какъ уже было замѣчено, приходилось извлекать изъ памяти людей пожилыхъ, пользуясь ихъ доброю на то волею и сочувственнымъ согласіемъ. Въ нынѣшнемъ крестьянскомъ обиходѣ въ посѣщен- ныхъ нами мѣстностяхъ такихъ пѣснопѣній, за малыми исклю- ченіями, уже не существуетъ. Исконная русская пѣсня находится тамъ въ несомнѣнномъ унадѣѣ. Однако и нынѣшній русскій крестьянинъ безъ пѣсни обойтись не можетъ, а для удовлетво- ренія этой потребности своей онъ безъ разбора беретъ все то, что такъ щедро и подчасъ заманчиво даетъ ему не всегда при- глядная современность. Пѣсня городская и фабричная, быстро усваиваемая крестьянской молодежью, по легкости своего напѣва и по заманчивости содержанія—почти всегда грубо неприличнаго и соблазнительнаго—путемъ отхожаго промысла широко распро- странилась по лицу русской земли, достигнувъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ ея уголковъ. Легкость напѣва, обыкновенно со- провождаемаго гармоникой, дѣлаетъ эту пѣсню доступной и для тѣхъ — нетронутыхъ еще современною порчей — обитателей па- триархальной глуши, которые усваиваютъ пѣсню, на первыхъ порахъ даже не сознавая всей пошлости и грубости ея содер- жанія.

Къ сожалѣнію, такого рода пѣсни чаще всего можно услышать въ современной деревнѣ.

Пѣсни чисто солдатскаго пошиба пользуются среди крестьянъ также широкимъ распространеніемъ. Гораздо рѣже попадаются пѣсни, которыя можно охарактеризовать выраженіемъ: «старыя погудки на новый ладъ» или «новыя погудки на старый ладъ». Это уже какъ бы одна изъ ступеней перерожденія старой пѣсни, съ одной стороны, по напѣву, съ другой—по содержанію. Нерѣдко приходилось мнѣ записывать слова пѣсни старой по своему со- держанію, но уже утратившей свое полное значеніе вслѣдствіе замѣны стараго напѣва новѣйшимъ, не представляющимъ ника- кого интереса и потому не заслуживающимъ музыкальной записи. Съ другой стороны, записывались иногда пѣсни, сохранившія пре- восходный старинный напѣвъ, но утѣвшія уже утратить цѣль- ность своего содержанія, благодаря новѣйшимъ вставкамъ и за- мѣнамъ однихъ словъ другими. Наконецъ, были пѣсни, изъ ко- торыхъ многія по началу своему напоминали старую любовную пѣсню, отмѣченную вообще чистымъ поэтическимъ чувствомъ, но изъ дальнѣйшаго приходилось убѣждаться, что подъ вліяніемъ но-

нѣйшихъ вѣяній онѣ успѣли уже принять въ себя черты такъ называемыхъ «эротическихъ» пѣсенъ, очень мало имѣющихъ общаго со старою русскою любовною пѣсней. Эта ступень перерожденія пѣсни въ музыкальномъ отношеніи представляетъ любопытный матеріалъ для изученія и на него обратилъ свое особенное вниманіе С. М. Ляпуновъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вятской губерніи женщины, утративъ пѣсенную старину и не удовлетворяясь современнымъ характеромъ пѣсни, обращаются къ особаго рода духовнымъ пѣснопѣніямъ, почерпая ихъ изъ Сборника Стефана (?).

Среди крестьянскихъ дѣтей путемъ школы распространяются дѣтскія пѣсенки, заимствуемыя изъ специальныхъ сборниковъ, разумѣется весьма мало приспособленныхъ для деревни и далеко не всегда соответствующихъ понятіямъ крестьянскихъ дѣтей. Распѣваютъ они и стихотворенія, разучиваемыя въ школѣ наизусть, а чаще всего перенимаютъ отъ взрослыхъ ихъ модныя новинки.

Болѣе всего печальное положеніе пѣсни сказывается, конечно, въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе занято отхожимъ промысломъ.

Но забывается старая пѣсня и тамъ, гдѣ эта причина, повидимому, не имѣетъ мѣста: пѣсня тамъ быстро исчезаетъ на ряду съ переменною нравовъ, измѣненіемъ рѣчи и замѣною крестьянской одежды платьемъ на городской образецъ. Какая причина здѣсь содѣйствуетъ этому—такому явленію? Отвѣтъ на это дасть намъ, между прочимъ, одинъ благочинный священникъ, болѣе 25 лѣтъ прожившій въ одномъ изъ древнѣйшихъ поселеній Вологодской губерніи. Съ большимъ сочувствіемъ отнесясь къ цѣли нашего пріѣзда, онъ, какъ старожилъ, наперечетъ знающій весь составъ своего благочинія, съ грустью заявилъ, однако, что мы опоздали. Лѣтъ 25 тому назадъ то, чего мы ищемъ, било здѣсь живымъ ключемъ. Но съ тѣхъ поръ все, начиная съ одежды и кончая пѣснопѣніями, успѣло измѣниться настолько, что о быломъ не осталось въ народѣ даже и воспоминанія. Въ прошломъ году схоронили послѣднюю старушку, которая могла бы еще что нибудь сообщить. Поразительно быстрое исчезновеніе доброй старины и замѣна далеко не всегда хорошими новшествами совпали, на его глазахъ, съ тѣмъ временемъ, какъ большая часть мужского населенія перебывала на военной службѣ, и это обстоятельство, по словамъ благочиннаго, нужно признать одною изъ виднѣйшихъ причинъ перерожденія деревни.

Такое нежданное, повидимому, указаніе почтеннаго очевидца подтверждается, къ сожалѣнію, и нашими частными наблюденіями. Какъ въ мои неоднократныя поѣздки по глухимъ мѣстностямъ сѣвера, такъ и въ нашу послѣднюю экспедицію неожиданныя и нежелательныя для деревни явленія очень часто объяснялись и присутствіемъ или вліяніемъ отставнаго служиваго. Поражающія, напримѣръ, въ глухой деревнѣ: пѣсенный мотивъ вмѣсто какой нибудь прогласки, и даже: «женскій персоналъ» нашего хора—обличали въ говорившихъ недавнихъ воиновъ; кавалеры и барышни вмѣсто парней и дѣвушекъ—въ устахъ нашихъ пѣвицъ; кофты и платья—вмѣсто сарафановъ, которые, по ихъ словамъ, только въ сосѣдней волости носятъ, а у нихъ, «уже не принято» — объяснялись несомнѣннымъ вліяніемъ того же источника, откуда исходилъ и «женскій персоналъ».

Все это—выставляемые на видъ признаки образованности въ противоположность грубому деревенскому невѣжеству и разнымъ старикиовскимъ глупостямъ, которыя заслуживаютъ лишь презрѣнія и насмѣшки, подлежатъ искорененію—и искореняются, къ сожалѣнію, усердно и поспѣшно.

И въ самомъ дѣлѣ, что кромѣ насмѣшки и презрѣнія ко всему деревенскому можетъ принести съ собой по возвращеніи въ деревню бывший прежде крестьянинъ, если съ самыхъ первыхъ шаговъ и во все время прохожденія службы въ его сознаніи по необходимости устанавливалось лишь прямое противоположеніе добраго заправскаго солдата такъ называемому неотесанному мужику...

Какъ человѣкъ бывалый, ловкій и грамотный, онъ безъ труда подчиняетъ себѣ въ деревнѣ окружающую среду и въ сознаніи мужицкой неотесанности съ самыми благими намѣреніями стремится къ искорененію ея въ возможно широкихъ предѣлахъ. Но, распатывая вѣковые устои деревни, онъ, по своему образованію и одностороннему воспитанію, конечно не въ состояніи создать на этихъ развалинахъ что нибудь сильное и положительное...

Я позволилъ себѣ остановиться на этомъ явленіи, глубоко вѣруя въ то, что время и опытъ укажутъ возможность и способы направить этотъ могущественный по своему вліянію на народъ источникъ лишь къ вѣщшему благу русской деревни.

Хорошимъ источникомъ для проведенія добра, безъ сомнѣнія, должна служить и народная школа. Она могла бы быть полезною и для пѣсеннаго дѣла. Если бы уцѣлѣвшіе остатки старины, со-

бираемые экспедиціями и объединенные въ особомъ изданіи, разсылались въ сельскія школы, то по крайней мѣрѣ для подростящей крестьянской молодежи они послужили бы добрымъ матеріаломъ для удовлетворенія несомнѣнно существующей въ народѣ потребности къ пѣнію. Очень многіе изъ этой молодежи съ большимъ интересомъ относились къ пѣснямъ, которыя пѣли намъ старики и которыхъ имъ негдѣ было услышать въ другое время. Успѣхъ этой школьной мѣры усугублялся бы еще тѣмъ обстоятельствомъ, что пѣсни давались бы путемъ книжки, къ которой крестьянская молодежь относится все съ болѣе и болѣе возрастающею вѣрою.

Заключеніе. Заканчивая этимъ мой отчетъ объ этнографической сторонѣ экспедиціи, я позволю себѣ высказать еще одно краткое замѣчаніе. Отправляясь въ нынѣшнюю поѣздку, я не чуждъ былъ нѣкотораго опасенія за ея успѣхъ, въ виду того, что не до пѣсенъ будетъ народу въ тяжелое для него время послѣ только что пережитыхъ неурожая и эпидеміи. Но эти опасенія не сбылись. И если экспедиціи удалось посильно выполнить возложенную на нее задачу, то этимъ она прежде всего обязана высокому имени Государя Императора, осчастливившаго экспедицію Своимъ Высочайшимъ соизволеніемъ, а затѣмъ и крестьянамъ, которые своимъ добрымъ и сочувственнымъ отношеніемъ къ намъ и нашему дѣлу доказали, что не однѣми лишь матеріальными нуждами живетъ истинный русскій крестьянинъ. Ему доступны нужды и болѣе высокія; онъ способенъ понять и оцѣнить заботы и о духовной сторонѣ, которая несомнѣнно кроется въ его истыхъ народныхъ произведеніяхъ.

Благодареніе нашимъ пѣвцамъ и благо всѣмъ тѣмъ, кто радѣетъ и объ этой духовной сторонѣ русскаго народа подъ высокимъ покровительствомъ всемілостивѣйшаго Радѣтеля и верховнаго Монарха русской земли.

ОТЧЕТЪ С. М. ЛЯПУНОВА.

Въ дополненіе къ сообщенію Ѳ. М. Истомина я считаю не лишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній болѣе спеціальнаго свойства, касаясь исключительно музыкальной стороны вопроса.

Ѳ. М. Истоминъ указалъ отчасти на причины, вслѣдствіе которыхъ старинная русская пѣсня стала исчезать въ народѣ,

на мѣсто же ея стали выдвигаться пѣсни новѣйшей фабрикаціи, которыя, получивъ преобладающее значеніе, оказали губительное вліяніе и на старинную русскую пѣсню въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она еще сохранилась. Поэтому было бы вообще не безцѣлн-ресно прослѣдить процессъ самаго перерожденія старинной пѣсни подъ вліяніемъ новѣйшихъ условій.

Въ настоящее время становится особенно замѣтнымъ тотъ фактъ, что позднѣйшіе варианты старинныхъ пѣсень представляются въ мелодическомъ и ритмическомъ отношеніяхъ менѣе развитыми и страдаютъ примѣсью постороннихъ элементовъ. Эти посторонніе элементы по происхожденію своему могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: одна—происхожденія солдатскаго, другая—городскаго.

Русская пѣсня вообще, кромѣ своихъ чисто-мелодическихъ достоинствъ, отличается богатствомъ и разнообразіемъ ритмовъ, причемъ часто встрѣчаются поразительныя и необыкновенныя сочетанія различныхъ ритмовъ въ одной пѣснѣ. Это разнообразіе ритмовъ встрѣчается преимущественно въ пѣсняхъ обрядоваго характера, тогда какъ въ протяжныхъ пѣсняхъ, какъ лирическихъ, на первый планъ выдвигается мелодическое развитіе музыкальных темъ. Поэтому, когда въ область народной пѣсни вторгается элементъ солдатскій, то, къ какому бы типу ни принадлежала пѣсня, онъ вноситъ неизбѣжно характеръ противорѣчащій тому, что создано въ извѣстной сферѣ пѣсеннаго творчества. Онъ стремится подчинить все разнообразіе естественныхъ ритмовъ народной пѣсни однообразному ритму пошлаго характера; ему не свойственна эта свобода, подчасъ капризность чередованія ритмовъ, составляющая одну изъ существенныхъ особенностей пѣсень, въ которыхъ она проявляется, и главную ихъ прелесть. Кромѣ того, онъ совершенно уничтожаетъ характеръ музыкальной выразительности и лирическаго настроенія, присущій пѣснямъ протяжнымъ, выставляя на первый планъ ритмъ, т. е. именно то, что въ этого рода пѣсняхъ отодвинуто на послѣдній.

Элементъ городской, выразившійся въ пѣсняхъ фабричнаго или кабацкаго творчества, вноситъ въ самую мелодическую основу пѣсень характеръ пошлости и тривіальности. Незамѣтными путями, дѣйствуя косвенно на эстетическое чутье народныхъ массъ, онъ, шагъ за шагомъ, завоевываетъ себѣ все большую распространенность, и его движеніе тѣмъ болѣе успѣшно, что идетъ рука объ руку съ развитіемъ элемента солдатскаго. Въ конечныхъ

результатахъ оба эти вліянія сходятся: пошлая мелодія всегда грубо-ритмична, какъ, съ другой стороны, чрезмѣрное предпочтеніе однообразнаго ритма становится пошлымъ. Можно было бы привести массу примѣровъ изъ пѣсенъ новѣйшей фабрикаціи, гдѣ ритмъ, какой бы онъ ни былъ, съ назойливостью выдерживается въ своемъ однообразіи и часто при отсутствіи какого либо мелодическаго содержанія.

Такъ какъ сложный ритмъ и богатая мелодія требуютъ для усвоенія своего извѣстнаго напряженія воспринимающихъ способностей, то въ этомъ отчасти и кроется разгадка того успѣха, который имѣютъ теперь въ народѣ солдатскія и городскія пѣсни: пошлая мелодія, состоящая изъ повторенія одной короткой музыкальной фразы, не требующей напряженія ни памяти, ни слуха для усвоенія ея, и при этомъ уложенная въ самомъ простомъ, грубо-отчетливомъ ритмѣ, — по самой легкости усвоенія своего представляетъ большой соблазнъ и понижаетъ общій уровень эстетическихъ требованій, заставляя довольствоваться тѣмъ, что легко и скоро запоминается. По той же причинѣ протяжная пѣсня должна была наиболѣе пострадать отъ вторженія въ ея сферу враждебныхъ ей вышеуказанныхъ элементовъ. Ея широкое мелодическое развитіе на ряду съ новѣйшими немудреными пѣсенками должно казаться слишкомъ трудно воспринимаемымъ и исполнимымъ. Въ то время какъ пѣсни обрядовыя, имѣя сами по себѣ характерныя ритмическія особенности, тѣмъ самымъ представляютъ значительное противодѣйствіе подчиненію ихъ однообразному ритму солдатскаго поппа, протяжная пѣсня вполне открыта для подведенія ея подъ какой-либо однообразный ритмъ, а этимъ путемъ въ ея сферу вторгается и пошлый характеръ городскихъ пѣсенъ. Независимо отъ этихъ причинъ, заключающихся въ особенностяхъ внутренняго характера пѣсенъ, протяжная пѣсня подверглась болѣшему искаженію еще потому, что она не находится въ связи съ какими-либо обрядами или обычаями, съ сохраненіемъ которыхъ связывалось бы сохраненіе и пѣсенъ. Въ этомъ отношеніи въ наибольшей чистотѣ сохранились свадебныя пѣсни; пѣсни святочные, масляничныя или троичкія хотя исчезаютъ, уступая мѣсто произведеніямъ фабрикъ и городовъ, но еще встрѣчаются, не смотря на то, обрядовыя игры, съ которыми онѣ были связаны, почти повсемѣстно исчезли.

Наблюденія, сдѣланныя во время экспедиціи прошедшаго лѣта, вполне подтвердили вышеуказанныя замѣчанія относительно иска-

женія протяжной пѣсни. Одинъ случай въ особенности обратилъ на себя мое вниманіе, потому что мнѣ пришлось прослушать двоихъ пѣвцовъ, исполнявшихъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, одну и ту же пѣсню. Пѣсня эта—«сторона-ль моя, сторонка»—по напѣву носитъ характеръ старинной протяжной пѣсни; мелодія требуетъ обширнаго по объему голоса и по медленности исполненія очень трудна, вслѣдствіе чего пѣвецъ долго отказывался пѣть, говоря, что ее не «вытянешь». Однако, по напѣму настоянію онъ пропѣлъ ее довольно порядочно, выдерживая всѣ остановки и «вытягивая». Когда же, чтобы провѣрить записанное, я попросилъ пропѣть ее еще разъ, и мнѣ предложилъ спѣть другой,—я почти не узналъ этой пѣсни: затрудняясь «вытягивать» голосомъ, онъ прибѣгалъ къ совершенно ненужному повторенію одного и того же слова въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ слѣдовало протягивать одинъ слогъ; это придавало пѣснѣ подвижность, облегчало пѣніе, и вмѣсто протяжной она дѣлалась похожею на современную «частушку», какъ называютъ въ народѣ новѣйшія пѣсни.

Упадокъ народнаго музыкальнаго вкуса и творчества можно видѣть также въ необычайномъ распространеніи самаго антимузыкальнаго инструмента—гармоніи. Обладая сомнительной интонаціей и бѣдностью аккордовыхъ сочетаній, состоящихъ исключительно въ чередованіи мажорной тоники и доминанты, инструментъ этотъ даетъ возможность безъ труда воспроизводить только несложныя мелодіи новѣйшей фабрикаціи. Онѣ какъ будто сочинены для этого инструмента, тогда какъ народная пѣсня, если и исполняется иногда на гармоніи, то неизбѣжно въ искаженномъ видѣ: инструментъ оказывается неспособнымъ воспроизвести всѣ особенности мелодическаго рисунка, не говоря уже о томъ, что неумѣстное чередованіе тоники и доминанты совершенно измѣняетъ характеръ мелодіи, придаетъ ей какъ бы ложный смыслъ. При почти совершенномъ исчезновеніи народныхъ музыкальных инструментовъ такое распространеніе гармоній становится тѣмъ болѣе печальнымъ, такъ какъ ея вліяніе не встрѣчаетъ противодѣйствія въ кое-гдѣ сохранившихся остаткахъ народной инструментальной музыки.

Въ заключеніе я упомяну о тѣхъ народныхъ музыкальных инструментахъ, которые намъ пришлось встрѣтить во время экспедиціи прошлаго лѣта: о пастушескихъ рожкахъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи и черемисскихъ гусяхъ и пузыряхъ въ Яранскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. Рожокъ есть

собственноручное произведеніе пастуха и состоитъ изъ двухъ прямыхъ деревянныхъ желобовъ, связанныхъ вмѣстѣ берестою; къ одному концу прикрѣплень раструбъ, выдолбленный изъ цѣльнаго дерева. По бокамъ сдѣлано 6 дырочекъ, соответствующихъ шести тонамъ въ порядкѣ гаммы. Для каждаго инструмента пастухомъ сочиняется свой «найгрышъ». Одинъ такой «найгрышъ» мною записанъ, и представляетъ своеобразную, красивую мелодію. Черемисскія гусли представляютъ пустой трехъугольный ящикъ съ натянутыми на немъ кишечными струнами разной длины. Играютъ обѣими руками, и музыка очень примитивна. Пузырь—это прототипъ волынки; двѣ маленькія трубочки, соединенныя съ бычачьимъ пузыремъ, который надувается костяной дудочкой.

Въ видѣ образца собранныхъ нами пѣсень прилагаю здѣсь одну изъ протяжныхъ пѣсень Вологодской губерніи. Она положена мною на голоса безъ малѣйшихъ измѣненій основного напѣва и предлагается здѣсь въ томъ видѣ, какъ была исполнена хоромъ въ обществѣ собраніи Общества, 10-го марта.

Къ статьѣ гг. ИСТОМИНА и ЛЯПУНОВА.

ОБРАЗЕЦЪ НАПѢВА ПРОТЯЖНОЙ ПѢСНИ
ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Запѣвъ. Во лѣ - сахъ - то ли бы - ло во дре -

му... Охъ во дре - му - - - - чихъ

Всѣ.

Загъвт.

Бы-ло во лѣ - сахъ - - - - -

сахъ

Всѣ

Бра - ла ли Ма - шень - ка гри - бы

я... гри - бы я - - - го - ды

гри-бы я - го - ды Ма - ша бра - ла.